

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

«СТАТЬИ ПРОЕКТА НЕ СОВСЕМ СООТВЕТСТВУЮТ ДУХУ РУССКИХ ЗАКОНОВ...»: КОДИФИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I*

И.В. Ружицкая

Центр истории России в XIX в.
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье рассматриваются работы по систематизации российского законодательства при императоре Александре I, в том числе процесс подготовки гражданского и уголовного уложений, борьба, связанная с принятием составленного М.М. Сперанским проекта гражданского уложения, дальнейшая судьба этого проекта, представлены различные точки зрения на характер и объем заимствований из западноевропейских кодексов.

Ключевые слова: правовое государство, систематизация законодательства, Сперанский, гражданское уложение.

Гражданское общество представляет собой систему ограничения всевластия государства; в ходе взаимодействия с государством оно изменяет его и меняется само.

Одной из целей гражданского общества является построение правового государства, деятельность которого базируется на принципе разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Процесс создания гражданского общества в России начался давно и еще далеко не завершен. Одна из его наиболее ярких страниц – это деятельность М.М. Сперанского по созданию современной для того времени системы российского права, должностящей заложить основу построения правового государства и в перспективе гражданского общества.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект № 85.3.19.

При императоре Александре I Сперанский выступил инициатором кодификации гражданского и уголовного законодательства (т.е. создания уложений и судопроизводственных уставов) (1). Задача, которую он перед собой ставил, приступая к систематизации отечественного права: «через извлечение наших законов из прежнего хаоса и большую доступность их перевоспитать умы, ввести народ в юридическую среду, расширить его понятия о праве и законности и, таким образом, усилить его восприимчивость к высшему кругу идей и к большому участию в мерах, для него самого предпринимаемых» (2), позволяет утверждать, что речь идет именно о таком явлении, какое сегодня мы обозначаем термином «гражданское общество».

Уже в начале XVIII в. назрела потребность в пересмотре законодательства. После Соборного Уложения 1649 г., представлявшего собой универсальный систематизированный сборник почти по всем отраслям права и фактически являвшегося небольшим сводом законов, накопился новый правовой материал, в той или иной мере изменявший, дополнявший и даже отменявший отдельные его нормы. Поэтому при Петре I велись кодификационные работы, в результате которых кодексы, правда, так и не были созданы, однако был издан ряд крупных законов, действовавших наряду с Уложением 1649 г. (например, для уголовного права – «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1716 г., получившее общегражданское применение) (3).

В XVIII в. появляется новое отношение к праву: если раньше фиксировались нормы обычного права, то теперь делаются попытки создать новые. По этому пути пошли и российские законодатели.

Кодификационные работы, начавшиеся при Петре I, продолжались на протяжении всего XVIII в.

С этой целью создавались многочисленные комиссии, деятельность которых, однако, не увенчалась успехом.

При Екатерине II работа над законодательством активизировалась. С большим шумом прошло открытие восьмой по счету Уложенной комиссии, или Комиссии о сочинении нового уложения, с наказом к которой выступила сама императрица (1767–1768 гг.) (4). Однако ни эта, ни следующая комиссия не справились со своей задачей (5). Одной из причин неудач стало отсутствие необходимых правил и знаний кодификационной техники: члены комиссий пытались «сочинить» новое уложение (или кодекс) (6), не собрав и не обобщив весь накопившийся законодательный материал.

Указом Александра I от 5 июня 1801 г. создается десятая по счету Комиссия составления законов. Сначала она действует под эгидой Непременного (или Государственного) совета; затем указом от 21 октября 1803 г. дело систематизации законов передается в министерство юстиции.

В докладе директора Комиссии составления законов Г.А. Розенкампа за 1804 г. излагался план работ Комиссии. Предполагалось составить «общее законоположение» (собрание законов органических, гражданских, уголовных, полицейских и др.) для всего государства и отдельные для окраин. Однако ос-

новой характер этого «собрания» в докладе не был четко определен. Поэтому некоторые исследователи полагали, что «планировалось составить нечто среднее между сводом уже существующих законов и кодексом новых» (7).

Существует и другая точка зрения: Комиссия отказалась от двойной цели – собрать и исправить законы – и занялась систематизацией только действующих законов. В любом случае ей долго не удавалось добиться реальных результатов.

В августе 1808 г. в Комиссию пришел Сперанский (8). В первом же докладе он отметил, что Комиссией произведены только «обширные подготовительные работы для какой-то неопределенной цели, имелось несколько несогласных между собой общих планов, систем кодификаций, сочиненных Розенкампом» (9). Последний не согласился с такой постановкой вопроса.

В ноябре 1808 г. Розенкампф докладывал, что «по разным частям законов собраны уже достаточные материалы, выведены из российских узаконений своды, учтены надлежащие узаконения других государств и по некоторым предметам изложены первоначальные законов проекты, что таким образом подготовительная часть работ закончена, и можно уже приступить к окончательному составлению проектов» (10). По этому докладу присутствие Комиссии признало ее труды за 1804–1808 гг. удовлетворительными и достаточными к составлению по ним проектов законов и провозгласило главной задачей завершение работ над проектом Гражданского уложения.

Этим вплотную занялся Сперанский. Розенкампф (он стал начальником отделения по подготовке проекта гражданского уложения) пришлось с величайшей поспешностью «стряпать» проекты, которое затем поступали на переработку Сперанского. Совет Комиссии проект фактически не обсуждал, ограничившись несколькими общими замечаниями, поскольку, как утверждал Розенкампф, его членам дали понять, что подлежащие главы уже одобрены императором.

Розенкампф представлял Сперанскому «безобразные компиляции», как сказано в письме последнего из Перми (11), а тот уже отделял их, или, по мнению ряда исследователей, излагал статьи Кодекса Наполеона с некоторыми отступлениями. Они полагали, что Сперанский впоследствии намеренно отрекался от этого избранного им упрощенного способа составления гражданского уложения, подмеченного уже современными критиками, например Н.М. Карамзиным (12).

Постепенно механизм работы над уложением упростился до последних пределов (особенно это относится к подготовке второй и третьей частей).

Занятиям по сочинению Уложения Сперанский посвящал исключительно утро понедельника перед заседанием Совета. В 6 часов утра являлся к нему старший письмоводитель Комиссии Ф.П. Вронченко с русским переводом тех тетрадей, которые поступали от Розенкампфа на французском языке. Сперанский, прочитывая работу, перечеркивал большую ее часть, исправленное им Вронченко приводил в порядок, а четыре писца переписыва-

ли, и к началу заседания «поспевало несколько стройных глав, стройных, конечно, больше по внешней форме» (13).

К концу 1809 г. был составлен проект первой части Гражданского уложения (семейное право). В 1810 г. реорганизованный Государственный совет (14), в ведение которого перешла Комиссия составления законов, посвятил обсуждению первой и второй (об имуществах) частям проекта сорок три заседания с 17 января по 14 декабря и одобрил их с незначительными изъятиями (сначала в департаменте законов, а затем и в общем собрании). Тем не менее, в журнале Совета было отмечено, что статьи проекта не совсем соответствуют духу русских законов и выдвинуто требование против каждой статьи Уложения указывать ее источник в российском праве. Эта работа была поручена Н.С. Ильинскому, и, как он сам позже свидетельствовал, оказалась выполненной не особенно успешно (15).

В отчете за 1810 г. Сперанский, признававший несовершенство своего Уложения, отмечал неподготовленность материалов, недостаток сведущих людей, трудность самой задачи, сравнивал это положение с тем, как обстояло дело во Франции. Но все же он не отказывался от продолжения работы над уложением.

К марту 1812 г. была закончена третья часть проекта (о договорах), которая обсуждалась в департаменте законов во второй половине 1812 г. уже без Сперанского (16).

Еще в 1810–1812 гг. «проект гражданского уложения с его ориентированностью на создание частнопредписаниями вызвал самое ожесточенное сопротивление» (17). Ситуация усугублялась и в связи с обострением отношений с наполеоновской Францией, и с усилившейся личной неприязнью к создателю Уложения. Да и содержание последнего не было безупречным (18). Стал ли проект гражданского уложения лишь предлогом для удаления Сперанского или он действительно был только «плохим переводом наполеоновского кодекса» (19)?

Один из первых критиков Гражданского уложения 1809 г. Н.М. Карамзин полагал, что от кодификатора требуется лишь собрание, приведение в порядок, дополнение и исправление уже существующих российских законов, и писал, что «русское право так же имеет свои начала, как и римское; определите их, и вы дадите нам систему законов» (20).

Таким образом, по мнению Карамзина и его единомышленников, вместо «подражания наполеонову кодексу» надо основываться на «русских исторических началах», именно поэтому следует ограничиться систематизацией действующего отечественного права.

Сам Сперанский, как уже отмечено, отрицал заимствования, считая эти обвинения «ложью» и «незнанием» (21).

Позднейшие исследователи полагали, что сходство между русским уложением 1809 г. и Кодексом Наполеона «необычайное, и, конечно, полу-

чилось оно не вследствие того, что Сперанский обращался к подлинным источникам римского права», и считали доказанным, что «фраза из Пермского письма... свидетельствует только о страстном желании Сперанского оправдаться и о великой его неосведомленности как об историческом составе Кодекса Наполеона, так о задачах русского гражданского уложения» (22).

В.И. Сергеевич находил уложение плодом подражания французскому законодательству. М.В. Андреева считает, что «М.М. Сперанский заимствовал из французского кодекса его конструктивную сторону, основанную на системе римского права. Большая часть статей проекта только по форме напоминала гражданский кодекс Франции 1804 г., на деле воспроизводя действующее русское законодательство, заимствованы были только отдельные положения, приемлемые для России». Однако исследовательница не приводит каких-либо веских аргументов в пользу своей точки зрения (23).

Ближе всех к истине, как мне представляется, С.В. Пахман. Он пришел к выводу, что «первая часть проекта по системе подходит к первой книге французского кодекса не только в целом, но и в частях, но части, говорящие об имуществах и договорах, далеко не вполне совпадают с другими... книгами Наполеонова кодекса» (24).

До сих пор среди исследователей нет единства мнений относительно содержания проекта. Одно очевидно: «в качестве руководителя идеи при составлении Уложения было выдвинуто формальное равенство всех граждан перед законом независимо от сословной принадлежности» (25), и это, несомненно, идея Кодекса Наполеона.

Последние историко-правовые исследования признают, что «в целом, система проекта Гражданского уложения совпадает с системой французского гражданского кодекса 1804 г.» и что «в основных чертах, за небольшими исключениями, система первой части» русского уложения и кодекса Наполеона совпадают (26). Однако идентичность структуры не означает идентичности содержания.

В 1814 г. по императорскому повелению общее собрание приступило к обсуждению второй, исправленной редакции первых двух частей Гражданского уложения и первоначальной редакции третьей части (27). В 1815 г. обсуждение было приостановлено из-за оппозиции со стороны наиболее реакционной части Совета во главе с министром юстиции Д.П. Трощинским. Трощинский указывал, что «Комиссия не имеет право вводить в Отечество законов новых или чуждых, изданных для других стран и народов, образу правления и местному положению России несовместных» (28).

Члены Совета находили проект «испорченным переводом кодекса Наполеона», кроме того, «малый формат книги, в коей сей проект заключался, показался им весьма сомнительным» (29). Было решено, что «нового уложения нельзя рассматривать без полного Свода прежних законов» (30). Предполагалось составить «по порядку, содержащемуся в самом проекте, Систе-

матический свод существующих узаконений с извлечением из них кратких правил ныне действующего права» (31).

В 1812–1813 гг. в департамент законов Государственного совета был представлен проект Уголовного уложения, одобренный в заседаниях 1 и 8 мая 1813 г. (32). В проекте проводился принцип – нет наказания, если оно не указано в законе. Впервые в истории развития русского уголовного законодательства появился раздел, в котором рассматривались общие положения – основания уголовной ответственности. Между тем проект сохранил две системы наказания: одну для лиц, подлежащих телесным наказаниям, другую – для лиц, освобожденных от них; недостаточно были разработаны понятия вины и ее форм (33).

Проект снова рассматривался в Совете в 1817 г., принципиальных различий с предыдущей редакцией не было (34).

Основная критика коснулась системы наказаний: было признано, что недостатком проекта было «единообразие родов наказаний и малое количество их степеней». Статья о видах наказания была изменена (35).

Дискуссия разгорелась вокруг вопросов о применении кнута, клеймении и смертной казни. Против введения смертной казни выступил Н.С. Мордвинов. Он доказывал, что она уже была отменена, и вновь вводить ее в законодательство не нужно. Он ссылаясь на указ 1754 г. Однако остальные члены Совета полагали, что тогда была отменена только смертная казнь за «простые преступления», но указ не распространяется на «государственные чрезвычайные преступления» (36). По поводу клеймения Совет согласился с Мордвиновым и предложил ставить клеймо не на лице, а на руке близ кисти. Вопрос об отмене кнута не был решен (37).

В 1818 г. в Государственный совет был внесен проект Устава уголовного судопроизводства (38). Проект подвел своеобразную черту теоретических исследований и практических попыток кодификации уголовно-процессуального законодательства, и хотя он не получил законодательного оформления, он определил исходную базу дальнейшей деятельности по упорядочению уголовно-процессуального законодательства во второй четверти XIX в. (39).

В 1821 г. Государственный совет получил указание вновь вернуться к рассмотрению проекта Гражданского уложения, что связано с возвращением из ссылки Сперанского. К этому времени он признал, что многие статьи Уложения являются или «бесполезными повторениями, или ссылками на другие учреждения», притом отмечал, что есть много вопросов, которые совершенно не находят разрешения в проекте, и что в нем отсутствует точность и ясность слога закона.

Сперанский полагал, что надо переделать большую часть статей Гражданского уложения (40). Проект слушался с 21 ноября 1821 г. по 21 декабря 1822 г. в 49 заседаниях (41). Было изменено или решено изменить 821 статью и оставить без изменений 622 (большая часть претензий относилась ко второй и третьей части, в которых нужно было менять целые главы) (42).

Проект вернулся в Комиссию на доработку. Сам Сперанский, «несмотря на внесенные по его же инициативе поправки и переделки... продолжал считать работу слабой, нуждающейся в коренной переделке» (43). В течение 1823–1824 гг. были исправлены и дополнены первая и двенадцать глав второй части проекта (44). 15 августа 1824 г. М.А. Балугьянский (он сменил в 1822 г. Розенкампа) в докладе на имя главноуправляющего Комиссией составления законов П.В. Лопухина (45) писал о том, что вновь переделаны и сочинены многие главы проекта с «привосокуплением выписок из Сводов из существующих законов». 8 декабря того же года он признавал, что проект Гражданского уложения недостаточен как по своим основаниям, так и в целости. Хотя многие главы оно исправлены Государственным советом, однако весь проект требует совершенно нового изложения (46).

Таким образом, основные положения Гражданского уложения оказались неприемлемыми для правовой системы тогдашней России. Его идеи впоследствии не были востребованы в ходе кодификационных работ, производимых во Втором отделении СЕИВК в царствование императора Николая I, в основу проектов второй четверти XIX в. были положены несколько иные принципы.

Не был утвержден и проект уголовного уложения, который в 1825 г. в очередной раз рассматривался в Государственном совете.

По свидетельству М.А. Корфа, Сперанский сам отказался от утверждения текстов Уложений, поскольку к тому времени вполне осознал «необходимость сначала собрать все действующие российские законы» (47).

Не удовлетворило членов департамента законов Государственного совета и содержание первой части Устава гражданского судопроизводства, представленного в 1824 г. (48).

Причинами неудачной кодификации первой четверти XIX в. современные исследователи считают «стремление кодификаторов в условиях бессистемности... законодательства России, полностью не опираясь на сложившийся законодательный массив и, заимствуя некоторые элементы права стран Европы, кодифицировать» целые отрасли (в данном случае судебного права), «минуя необходимую для этого нормативную базу. Они полагают, что таким образом нельзя было «решить проблему выхода на новый уровень... законодательства» (49).

В 1815 г. Комиссия составления законов в соответствии с упомянутым пожеланием министра юстиции и его единомышленников занялась созданием свода прежних законов, располагая собранные законодательные акты по 13 «частям». Тогда же был издан «Систематический свод существующих законов Российской Империи с основаниями, из оных извлеченных» (50). Позже издание было продолжено, и в 1821 г. появились «Основания русского права, извлеченные из существующих законов Российской Империи» – «труд, оказавший большое влияние на некоторые части будущего свода законов» (51).

С 3 ноября 1821 г. Комиссию снова возглавил Сперанский. К 1825 г. была проделана большая подготовительная работа. Помимо уже отмеченных «Оснований» был подготовлен «Полный хронологический реестр законодательных актов, со времени правительства Алексея Михайловича до 1825 г.», содержащий краткую аннотацию на каждый акт. Этот реестр и лег в основу Полного собрания законов Российской Империи.

Можно утверждать, что последующая успешная деятельность Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии в деле систематизации российского законодательства predetermined была большой предварительной работой, проделанной Комиссией составления законов (52).

Накопленный практический опыт деятельности Комиссии составления законов создал необходимую базу для следующего этапа систематизации законодательства во второй четверти XIX в., поскольку многие ее проекты получили «достаточно четкую концептуальную проработку, имели хорошо отработанную структуру, достаточно выверенную терминологию». Это позволяет говорить о внесении в российское законодательство достижений европейской юриспруденции XVIII – начала XIX в. (53).

Вопрос систематизации российского законодательства, таким образом, не сходил с повестки дня на протяжении всего XVIII и начала XIX вв.

При императоре Николае I систематизация, наконец, была проведена, и оформлена система российского права, дожившая в своей основе до 1917 г. – под руководством Сперанского были созданы Полное собрание и Свод законов Российской Империи.

Но Сперанский, а затем и его преемник Д.Н. Блудов (54) пошли дальше – они приступили к кодификации отечественного законодательства. Так, в 1845 г. вступил в силу первый уголовный кодекс в России, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, к началу 1850-х гг. были подготовлены уставы гражданского и уголовного судопроизводства, велись работы над гражданским уложением (55).

Эта деятельность в определенной степени способствовала подготовке судебной реформы 1864 г.

В свою очередь, эта «самая радикальная» из всех реформ стала мощным стимулом формирования правового сознания населения, являющегося неотъемлемой частью правового государства и, соответственно, гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В исторической литературе долгое время существовала путаница в терминологии – термины «систематизация» и «кодификация» признавались идентичными понятиями. В соответствии с последними исследованиями историков государства и права систематизация – более широкое понятие, чем кодификация. *Систематизация законодательства* – это деятельность по упорядочению и совершенствованию

нию законов и иных нормативных правовых актов, имеющая целью приведение их в систему. Современная юридическая литература рассматривает три основные формы систематизации законодательства: инкорпорацию, консолидацию и кодификацию. *Инкорпорация* – систематизация законов государства, расположение их в определенном порядке (хронологическом, алфавитном, по отраслям права) без изменения содержания законов (актом хронологической инкорпорации является Полное собрание законов Российской Империи). *Консолидация* – «укрупнение, сведение близких по содержанию нормативных актов в один акт» (*Кодан С.В.* Систематизация законодательства в юридической политике Российского государства 30–40-х гг. XIX в. // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. – Екатеринбург, 2001. – С. 161; актом отраслевой консолидации является Свод законов). *Кодификация* – систематизация законов государства по отдельным отраслям права, обычно с пересмотром имеющегося и отменой устаревшего законодательства. В результате создается кодекс (в XVIII–XIX вв. – уложение) – единый законодательный акт, систематизирующий какую-либо область права на основе пересмотра ранее действовавшего законодательства.

- (2) *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – Т. 2. – С. 325 (Корф продолжил, имея в виду более позднее «создание» Сперанского: «Во всяком случае «Свод» послужил весьма важной ступенью к тому самомышлению и к той самостоятельности, которых развитие, обуславливаемое еще и другими обстоятельствами, хотя и начались у нас при содействии правительства, конечно, уже гораздо позже, но для которых основные камни были положены, как нельзя в том усомниться, творением Сперанского» (Там же)).
- (3) Современные исследователи пришли к заключению, что из-за «определенной неяркости систематизаторов» два совершенно самостоятельных закона – «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1716 г., содержащее нормы уголовно-процессуального права, и Артикул воинский того же года были опубликованы в одной подборке 1719 г., а затем в таком же виде были помещены в Полное собрание законов под 1716 г. (ПСЗ-1. – Т. IV. – № 1572). Между тем «Краткое изображение...» не является частью Артикула воинского (до 1986 г. его ошибочно рассматривали как процессуальный раздел (Кн. 1. – Ч. 2) Артикула), они связаны друг с другом лишь общим переплетом (Российское законодательство X–XX вв. – М., 1986. – Т. 4. – С. 404–405; Законодательство Екатерины II. – М., 2000. – Кн. 2. – С. 866–867; *Горожанкина Д.В.* Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской Империи первой половины XIX в.: Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2007. – С. 23–24).
- (4) См., напр.: «Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения 1767 г.» (ПСЗ-1. – Т. XVIII. – № 12867, 12919, 12941, 12949).
- (5) Из всех трудов 8-й Комиссии осталось лишь несколько «планов, т.е. простых оглавлений, и несколько сочиненных по этим планам отрывков». Это обстоятельство, тем не менее, не умаляет значения уникального для XVIII в. комплекса источников – полторы тысячи одновременно составленных наказов дворян, горожан, казаков, разных категорий государственных крестьян, материалы обсуждения этих наказов и проекты Комиссии прав сословий. Перед девятой Комиссией, учрежденной 30 декабря 1796 г., была поставлена задача «собрать существующие узаконения и извлечь из них три Книги законов: 1) Уголовных 2) Гражданских 3) Дел Казенных», т.е. извлечь из существующих узаконений «систематические книги» (*Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – Т. 1. – С. 45–46; Обзорение исторических сведений о Своде законов. Сост. из актов, хранящихся во втором отделении СЕИВК. – 2-е изд. – СПб., 1837. – С. 53).

- (6) Ахун М. К истории кодификации русского права // Архивное дело. – 1941. – № 2 (58). – С. 8. Другая причина – в неразрешимости вопроса о крепостном праве: «Крепостной строй принципиально исключал понятие гражданских прав и субъективных прав вообще» (Леонтович В.В. История либерализма в России. – М., 1995. – С. 40).
- (7) Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. – М., 2004. – С. 90.
- (8) Сперанский был директором Комиссии по одним данным с 1808 г., по другим – с 1810 г. (до 1812 г.). Во всяком случае, в высочайшем рескрипте от 20 декабря 1808 г. на имя П.В. Лопухина предписывалось дела Комиссии составления законов возложить исключительно на действительного статского советника Сперанского (РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 11).
- (9) Нольде А.Э. М.М. Сперанский... – С. 90.
- (10) РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 88–89; Д. 6. – Л. 43–46.
- (11) Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // План государственного преобразования М.М. Сперанского. – М., 1905. – С. 338–339.
- (12) Нольде А.Э. М.М. Сперанский... – С. 91.
- (13) Так описывал порядок составления проекта М.А. Корф со слов Вронченко (Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – Т. 1. – С. 157). По этому поводу Нольде заметил: «Можно думать, что такой же способ Сперанским применялся и ко многим другим работам, но качество их состояло выше именно потому, что в области права государственного Сперанский все-таки имел большую практику. Несомненно, что во многих случаях его выручали только огромные дарования и некоторое интуитивное чутье, уберегавшее его от слишком грубых ошибок» (Нольде А.Э. М.М. Сперанский... – С. 91–92).
- (14) В Манифесте об образовании Государственного совета среди трех «главных предметов», на которые он должен, прежде всего, обратить внимание, первое место занимали Гражданское и Уголовное уложения, судопроизводство и судоустройство (1 ПСЗ. – Т. 31. – № 24064; Образование Государственного совета // Российское законодательство в X–XX веках. – Т. 6. – М., 1988. – С. 61).
- (15) Ильинский Н.С. Из записок // Русский архив. – 1879. – № 12. – С. 433–434 («Хотя с крайним затруднением, но должен был сим заниматься, подводя иногда многие законы под [действие] одной статьи» и т.д.).
- (16) Нольде А.Э. М.М. Сперанский... – С. 90–93. «В виде некоторого оправдания Сперанского можно указать на то, что гражданскому уложению он действительно мог уделить только сравнительно мало внимания, так как именно в это время на нем лежала еще другая, гораздо более спешная и не менее ответственная работа – преобразование финансов».
- (17) Две первые части проекта в исправленном виде были напечатаны для их нового рассмотрения Советом, их содержание стало известно в обществе. Возникла сильная оппозиция проекту со стороны влиятельных сановников.
- (18) Кодан С.В. Тараборин Р.С. Несостоявшаяся кодификация гражданских законов 1800–1825 гг. – Екатеринбург, 2002. – С. 40–41.
- (19) Дмитриев Ф.М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. – 1868. – № 10. – Стлб. 1635.
- (20) Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование Императора Александра I. – Киев, 1907. – С. 34. Известно высказывание Карамзина по поводу этого проекта: «Какое изумление для россия... Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя; у нас еще не Вестфалия, не Итальянское королевство, где кодекс Наполеона, со слезами переведенный, служит уставом гражданским. Для того ли сущест-

ует Россия, как сильное государство около тысячи лет, для того ли около ста лет трудятся над сочинением нового уложения, чтобы торжественно, пред лицом Европы, признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами?» (Цит. по: *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. – СПб., 1885. – С. 242–243).

- (21) «Другие искали доказать, что уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изобличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т.е. в римском праве, все уложения будут сходны; но с здравым смыслом, с знанием сих источников и коренного их языка, можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах» (*Сперанский М.М.* Введение к Уложению государственных законов. – С. 338–339).
- (22) *Нольде А.Э.* М.М. Сперанский... – С. 91–92. «В то время, – продолжал Нольде, – Сперанский не имел никакого понятия о гражданском праве ни русском, ни иностранном (да и впоследствии его познания в этой области особенным богатством не отличались) и с поразительным легкомыслием сочинял статьи закона, не задумываясь над последствиями».
- (23) *Андреева М.В.* У истоков кодификационных работ М.М. Сперанского // Правоведение. – 1983. – № 1. – С. 71.
- (24) *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по истории русского права. – СПб., 1883. – С. 609; *Андреева М.В.* У истоков кодификационных работ М.М. Сперанского // Правоведение. 1983. – № 1. – С. 71; *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. – СПб., 1876. – Т. 1. – С. 392.
- (25) *Корнилов В.А.* Общественно-политические взгляды и деятельность М.М. Сперанского: Дисс. ... к.ю.н. – М., 1974. – С. 132 (цит. по: *Кодан С.В. Тараборин Р.С.* Несостоявшаяся кодификация... – С. 41–42). Сперанский писал: «Два лица, из коих одно имеет обширную собственность, другое – малую или совсем ничего не имеет, имеют, однако же, равное право гражданское» (*Сперанский М.М.* Изъяснения на 10-ю статью первой главы уложения // ОР РНБ. – Ф. 731. – Д. 930).
- (26) *Кодан С.В. Тараборин Р.С.* Несостоявшаяся кодификация... – С. 43–46 (здесь подробно рассмотрены структуры обоих кодексов).
- (27) По мнению ряда авторов, этот «проект уже не может рассматриваться как составленный под руководством Сперанского», он был значительно переработан (Там же. – С. 52). Однако большинство исследователей полагают, что в основе своей проект оставался неизменным.
- (28) Мнение министра юстиции Трошинского о проекте уложения. – М., 1859. – С. 5.
- (29) *Майков П.М.* Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал министерства юстиции. – 1905. – № 7. – С. 267, 264. В своем отзыве А.С. Шишков отмечал, что составление новых законов «требует крайне осторожности, основанной не на легких и опрометчивых порывах умозрительной учености, но на правилах веры и благонравия, на зрелости рассудка, на нравах и обычаях своего народа, и вообще на опытности и знании дел и сердец человеческих» (*Шишков А.С.* Примечания на первую главу проекта Гражданского уложения. – СПб., 1815. – С. 32).
- (30) *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. – СПб., 1887. – С. 19.
- (31) РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 72.
- (32) Проект известен как проект 1813 г., по дате издания. В литературе отсутствует ясность по вопросу об авторе проекта; М.А. Корф указывает на Сперанского. Это распространенная, но ошибочная точка зрения. И.И. Солодкин, на основании ар-

хивных материалов, установил, что проект составлен приглашенным в 1810 г. немецким профессором Л.Г. Якобом. В основе своей он совпадал с проектом баварского уголовного уложения 1813 г., присланного в Комиссию его составителем А. Фейербахом. В частности, в обоих документах проводился принцип *nullum crimen sine lege* («нет ни преступления, ни наказания, если они не указаны в законе» – лат.), а богохульство не считалось особо опасным преступлением. При рассмотрении проекта в Комиссии в него были включены церковные наказания, а за богохульство установлены самые жестокие кары, вплоть до смертной казни. Были внесены и другие изменения в соответствии с установкой, что «проект Уголовного уложения представляет из себя только извлечения из старых русских уголовных законов ... приведенных в соответствие» (*Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права.* – Л., 1961. – С. 8, 10–11, 16; РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 308. – Л. 1, 56, 136).

- (33) Розенкампф настаивал на том, чтобы понятия умышленной и неосторожной вины вообще не были введены в Уложение.
- (34) Это редакция 1816 г., автор тот же – Якоб. Его текст см.: Архив Государственного Совета. Царствование императора Александра I. – Т. 4. – Ч. 1. Журналы по делам департамента законов. Рассмотрение проектов Уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. – СПб., 1874. – Стлб. 317–434.
- (35) Была принята следующая редакция: «1) смертная казнь; 2) лишение всех прав или политическая смерть; 3) лишение свободы и чести; 4) позорные наказания; 5) безпозорное лишение свободы и телесные наказания; 6) денежные пени; 7) церковные наказания». Каждый из родов наказаний делился на степени, которых в общей сложности насчитывалось 21 (РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 11 об.).
- (36) В Уголовное уложение по решению Совета была введена статья о смертной казни, в которой говорилось, что «Судебное определение сей казни отныне за те токмо Государственные тяжкие и чрезвычайные злодеяния имеет быть постановляемо, за кои судебными приговорами Правительствующего Сената 1764, 1771 и 1775 гг. она была постановлена» (РГИА. – Ф. 1251. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 30 об.).
- (37) В 1817 г. был создан специальный Комитет о телесных наказаниях. Его члены предложили исключить из перечня наказаний наказание кнутом и вырезание ноздрей, заменив их «вечным заточением или каторжной работой в оковах с обыкновенным сечением у позорного столба». Высочайшим указом от 25 декабря 1817 г. рвание и вырезание ноздрей было отменено (*Журнал законодательства на 1817 г., издаваемый по высочайшему повелению Комиссией составления законов.* – СПб., 1819. – Кн. VI. – С. 142–143). Клеймение было отменено только в 1863 г.
- (38) Составление Устава проводилось еще при Сперанском; под руководством Розенкампфа к 1816 г. была подготовлена его первая часть. Полностью проект был готов к 24 июня 1818 г. (РГИА. – Ф. 1260. – Д. 246/2. – Л. 54–55, 63). О содержании проекта см.: *Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ...* – С. 47–50.
- (39) *Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ...* – С. 12.
- (40) *Сперанский М.М.* Обзорение работы Комиссии составления законов за 1804–1821 гг., представленное Александру I 30 сентября 1821 г. // РНБ. – Ф. 731. – Д. 908. См. также: *Кодан С.В. Тараборин Р.С. Несостоявшаяся кодификация...* – С. 54.
- (41) *Ход обсуждения см.:* Архив Государственного Совета. Царствование императора Александра I. – СПб., 1874. – Т. 4. – Ч. 1: Журналы по делам департамента законов. Рассмотрение проектов Уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. – Стлб. 1–168; Проект Гражданского Уложения // Там же. Приложения. – Стлб. 1–252. Современная публикация проекта: *Кодан С.В. Тараборин Р.С. Несостоявшаяся кодификация...* – С. 59–199. Это вариант 1809–1812 гг., изданный тогда же.

- (42) *Майков П.М.* Комиссия составления законов... – С. 202. Было найдено, что многие статьи, нужные в последних двух частях, пропущены, и что слог сих частей не имеет ни ясности, ни точности, в законах необходимых» (РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 238).
- (43) *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. – СПб., 1909. – С. 154.
- (44) РГИА. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 84–130; Д. 29. – Л. 37–136; Д. 31. – Л. 21–101.
- (45) Лопухин был также председателем Государственного совета и Комитета министров (1816–1827).
- (46) Там же. – Д. 167. – Л. 1–5; ОР РНБ. – Ф. 731. – Д. 919, 920. См. также: Российское законодательство. – Т. 6. – С. 78–80.
- (47) Корф сделал такой вывод на основании знакомства с дневниковыми записями Сперанского за 1810 г. (*Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. – Т. I. – С. 218).
- (48) В проекте предусматривалась гласность процесса, вводились элементы состязательности (См.: Архив Государственного Совета. Царствование императора Александра I. – СПб., 1874. – Т. 4. – Ч. 1: Журналы по делам департамента законов. Рассмотрение проектов Уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. – Стлб. 167–180, 261–308).
- (49) *Кодан С.В., Тараборин Р.С.* Несостоявшаяся кодификация... – С. 58.
- (50) Систематический свод существующих законов Российской Империи с основаниями, из оных извлеченных. – СПб., 1815.
- (51) *Кассо Л.А.* К истории Свода законов гражданских // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 3. – С. 83–107.
- (52) *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). – М., 1981. – С. 146–147.
- (53) *Кодан С.В., Тараборин Р.С.* Несостоявшаяся кодификация... – С. 58.
- (54) После смерти Сперанского 11 февраля 1839 г. его преемником по Второму отделению стал Д.В. Дашков (он первым стал называться *главноуправляющим*), который умер после продолжительной тяжелой болезни в конце ноября того же года. На его место в декабре 1839 г. был назначен Д.Н. Блудов.
- (55) См.: *Ружицкая И.В.* Кодификационные проекты императора Николая I // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 29–44.

PROJECT ARTICLES DON'T QUITE CORRESPOND TO THE RUSSIAN LAWS SPIRIT: CODIFICATION OF LAW SYSTEM UNDER EMPEROR ALEXANDER I

I.V. Ruzhitskaya

The Center of History of Russia in 19th century
Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences
Dm. Ulyanov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article deals with the works on Russian legislation systematizing under Emperor Alexander I reign. It also analyzes the process of civil and criminal codes preparation, the struggle connected with the acceptance of the civil code project by M.M. Speransky and further destiny of this bill. Various points of view on the character of borrowings from the West European codes are presented in the article as well.

Key words: Russia, systematizing of legislation, State of Law, M.M. Speransky, civil code.